

УДК 94(47)

Зверев К.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

В статье рассматривается вопрос о становлении и развитии политики памяти на постсоветском пространстве в 1990-е – 2010-е гг. Исторический дискурс анализируется и сравнивается в странах Балтии, Беларусь, Украине, Молдове и Грузии. По результатам проведённого исследования можно констатировать, что в целом ряде постсоветских государств, выбравших прозападный курс и, одновременно, конфронтацию с Российской Федерацией (страны Балтии, Украина, Молдова, Грузия) просматривается целый ряд сходных тезисов государственной исторической политики, которые можно представить в виде таких составляющих, как этноцентризм, апеллирование к правопреимственности по отношению к ранним государственным образованиям (в обход СССР), введение в оборот понятия «советская оккупация», кардинальная переоценка событий «Великой Отечественной войны» вплоть до отказа от самого данного термина в пользу понятия «Вторая мировая война» и институциональное оформление политики памяти в виде создания специализированных, политически ангажированных учреждений (в качестве Институтов национальной памяти) для аккумуляции, формулирования и популяризации основных тезисов политики памяти. При этом, по нашему мнению, Украиной, Молдавией, Грузией, белорусской оппозицией в середине 2000-х были заимствованы многие прибалтийские тезисы политики памяти, которые проявились в странах Балтии гораздо раньше, чем у южных соседей и реализовывались более последовательно ещё с начала 1990-х. Можем предположить, что наряду с восточноевропейским трендом политики памяти существует и его более узкий вариант, направленный на республики бывшего Советского Союза – прибалтийский, который и характеризуется обозначенными выше составляющими.

Ключевые слова: политика памяти, государственная историческая политика, страны Балтии, Беларусь, Украина, Молдова, Грузия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-40-50

С распадом СССР произошли коренные изменения в политической и социально-экономической ориентации бывших союзных республик, в одночасье ставших независимыми государствами. Одновременно возникла необходимость выработки новых трактовок как национальной истории в целом, так и недавнего (советского) прошлого в частности. Как результат – данные поиски оформились в виде исходящей от правящих верхов политики памяти (или государственной исторической политики). В данной статье под политикой памяти мы подразумеваем набор практик, применяемых отдельными политическими силами для утверждения определённых интерпретаций исторических событий как доминирующих [20, с. 6-23]. Понятие «государственная историческая политика» используется нами как синоним политики памяти. В представленном исследовании мы бы хотели обратиться к опыту развития государственной исторической линии стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) и сопоставить её с аналогичными устремлениями других бывших советских республик (на примере Белорусии, Украины, Молдовы, Грузии).

Следует отметить, что три прибалтийские республики – Эстония, Латвия, Литва, в отличие от других субъектов СССР в межвоенный период имели опыт собственного государственного строительства и были инкорпорированы в состав Советского Союза лишь в 1940 г. Фактически же, из-за начавшейся Великой Отечественной войны, советизация этих территорий растянулась вплоть до конца 1940-х гг. Данные обстоятельства наложили свой отпечаток на формирование местной политики памяти, о которой речь пойдёт ниже.

В странах Балтии дискуссии об истории особенно активизировались в период перестройки в СССР и быстро переросли в движение за независимость. Общность социально-культурного и исторического развития региона, а также идентичные цели (стремление к выходу из состава Советского Союза, утверждение на мировой арене в качестве самостоятельных государств) обусловили схожесть основных параметров и этапов развития местной политики памяти. Так, к характерным чертам прибалтийской государственной исторической линии можно отнести апеллирование

к тезису о «советской оккупации», правовому континуитету (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализация национальных государств 1920-х – 1930-х гг. и интерпретация всего предшествовавшего периода развития как борьба за свободу и независимость от иностранных угнетателей (последний тезис характерен в большей степени для Эстонии и Латвии, в меньшей степени для Литвы, имевшей опыт собственного развития в лице Великого княжества Литовского).

Проявление общей исторической линии эстонского, латвийского и литовского истеблишмента обозначилось ещё в период «Поющей революции» – а именно, на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюдис Литвы), которая проходила в Таллине 13–14 мая 1989 г. [1] Помимо прочего, на конференции обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения Прибалтийских республик в состав СССР в 1940 г. В этой части мероприятия деятельное участие принял учёный-юрист, советолог из ФРГ Дитрих Лёбер – один из руководителей «Института права, политики и общества социалистических государств», а также, наряду с Борисом Мейснером, участник Гёттингенской рабочей группы учёных, занимавшейся изучением истории и культуры немцев Восточной Европы, а также обоснованием непризнания восточной границы Германии по Одеру – Нейсе правительством ФРГ [23]. Дитрих Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа [32, с. 104–105], доказывая тем самым факт «незаконности» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, т.е. обосновывая правильность исторической «концепции оккупации стран Балтии», в разработке которой он принимал участие, вместе с Борисом Мейснером, ещё с 1950-х гг. [31]

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменовании 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему) – 23 августа 1989 г. Народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь»,

которая была призвана привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников континуитета и популяризации тезиса о необходимости «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик. На это указывают хотя бы результаты выборов в Верховные Советы Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, где уверенную победу одержали представители Народных фронтов, позже выступившие за «восстановление» довоенной государственности [4, с. 310–311].

Кроме того, всё большую роль в политических движениях стран Балтии стали играть националисты и эмигрантские круги [5], которые и были особенно заинтересованы в «восстановлении» довоенной государственности. Ведь «концепция оккупации стран Балтии» и вытекавшая из неё идея непрерывности существования Эстонской, Латвийской и Литовской республик позволяла претендовать на утраченные в результате национализации активы и собственность. Свою роль здесь сыграла и Декларация Уэллеса [33; 29], принятая Вашингтоном 23 июля 1940 г. и давшая начало политике непризнания вхождения Прибалтийских республик в состав СССР (декларация сохраняла действие вплоть до выхода Эстонии, Латвии, Литвы из состава Советского Союза в 1991 г.)

Фактически, мы можем констатировать, что уже на этапе 1989 г. «концепция оккупации стран Балтии», выработанная Гёттингенской рабочей группой, становится «краеугольным камнем» борьбы прибалтийских народных фронтов за независимость от СССР, а также обоснованием принципов реституции в законодательном и институциональном оформлении республик.

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Прибалтийских республиках и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса в том числе и посредством выпуска тенденциозной научной литера-

туры [10, с. 79–81]. Если концепция оккупации нашла своё развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» с 1940–1991 гг. – в подавляющем большинстве – русскоязычным) [9, с. 202-215; 12, с. 70-77]. Литва же, в силу более моноэтнического характера, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно) отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому [14, с. 03-13].

Литва, имевшая традиционно тесные связи с соседней Польшей и другими Восточноевропейскими странами, первой в Прибалтике создала координирующее и направляющее учреждение по конструированию политики памяти – своего рода «институт национальной памяти» под названием «Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы» [25], основанный ещё в 1992 г. В Эстонии подобное ведомство возникло в 1998 г. в виде Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (IKUEREK, также известная как комиссия Макса Якобсона), с 2008 г. – преобразована в Эстонский институт исторической памяти [26]. И лишь в Латвии, вплоть до настоящего времени, по разным причинам не было создано собственного института национальной памяти, хотя неоднократные призывы к организации данного учреждения на базе Комиссии по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР звучат всё чаще на самом высоком уровне [8, с. 163-177]. Тем не менее, в Риге координирующую и направляющую роль в исполнении национальной политики памяти взял на себя Музей оккупации и Ассоциация Музея оккупации Латвии.

Таким образом, странам Балтии удалось достаточно быстро сформулировать внятную и преемственную политику памяти, став в данном отношении своеобразными «первопроходцами» на постсоветском пространстве, а в последующем и

«экспортёрами» целого ряда тезисов в другие республики бывшего СССР.

Вместе с тем, следует отметить, что повсеместно на постсоветском пространстве возобладал тренд на строительство национальных государств, а значит стала очевидна необходимость замены советского варианта истории национальной. В этой связи мы бы хотели подробнее рассмотреть данный процесс в Белоруссии, Украине, Молдавии и Грузии в сопоставлении с взаимовлияниями со стороны Прибалтийских республик. Выбор данных государств объясняется достаточно активными контактами с Эстонией, Латвией, Литвой, антисоветским / антироссийским уклоном внешней и внутривнутриполитической риторики (за исключением Белоруссии), а также существованием целого ряда сходных черт исторического развития (о которых речь пойдёт ниже).

Начать хотелось бы с Республики Беларусь в силу её территориальной близости к странам Балтии и весьма активными (до недавнего времени) контактами с Литвой. Так, официальный Вильнюс, используя приграничное сотрудничество, максимальную лояльность в выдаче шенгенских виз гражданам Беларуси (в том числе учебных), стремится оказывать непосредственное влияние на внутривнутриполитическую жизнь Минска, подчёркивая историко-культурную общность времён Великого княжества Литовского (ВКЛ). Так, литовским истеблишментом посредством образовательных программ, научных конференций и грантов культивируется миф литвинизма, согласно которому, нынешние белорусы – прямые потомки литвинов ВКЛ, поэтому необходимо искать то, что объединяет белорусов и литовцев, то есть общую традиционную культуру и историческое прошлое. Этому способствуют и традиционные пролитовские симпатии оппозиционно настроенной белорусской интеллигенции, которая использует в своей деятельности, в том числе символы Великого княжества Литовского (герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг) [24, с. 443–465]. В качестве примера можно привести и события августа 2020 г. в Беларуси, когда один из оппозиционных кандидатов после президентских выборов эмигрировал в Литву и продолжил призывы к смене власти в Республики Беларусь. Однако, безусловно, политика памяти официального

Минска намного сложнее и не является производной литовского варианта. Так, следует отметить, что попытки создания самостоятельного белорусского исторического нарратива относятся к периоду перестройки, когда истоки белорусской государственности возводились к эпохе Полоцкого княжества. Великое Княжество Литовское в первых националистических исторических работах начала 1990-х также соответствовало мифу о «золотом веке» для белорусского народа [19, с. 88-99]. В первые годы независимости прослеживались и попытки проведения параллелей по исторической правопреемственности между современной Республикой Беларусь и Белорусской народной Республикой (БНР), провозглашённой в марте 1918 г. [2] (была даже заимствована её государственная символика как официальная). Однако, с приходом к власти Александра Лукашенко произошло возвращение к советскому историческому нарративу в сплаве с белорусской спецификой, в которой определяющее место заняла память о Великой Отечественной войне (как и в Российской Федерации). Так, важнейшие государственные праздники в Республике Беларусь – День Независимости и День Победы – непосредственно связаны с триумфальными моментами периода Великой Отечественной войны. Вместе с тем, можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика, чья победа в войне была оплачена трагической ценой (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о каждом четвертом белорусе, погибшем во время войны). Во-вторых, подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый «партизанский миф». Постепенно уходит в тень «советский народ как победитель фашизма», и это почётное место занимает белорусский народ [19, с. 88-99]. При этом следует отметить, что и усилия соседней Литвы по конструированию общего исторического контекста в лице Великого княжества Литовского не остались незамеченными. По данным всех социологических

исследований молодое поколение белорусов более критично относится к советскому прошлому и более позитивно к ВКЛ, нежели респонденты старшего возраста [там же 19, с. 88-99].

Однако, наиболее радикальные преобразования, без сомнения, претерпела украинская политика памяти, которая за последние 15 лет значительно приблизилась, по нашему мнению, к прибалтийскому варианту исторического дискурса. Изначально, в начале 1990-х официальный Киев, как и другие постсоветские государства, ощутил необходимость создания национальной истории взамен переставшего быть актуальным советского варианта, и взял курс на украинизацию прошлого. В частности, была издана научная, учебная литература и создан учебный курс истории, рассматривавший Киевскую Русь как исключительно украинскую историю, а Запорожскую Сечь как прототип национальной государственности, другими словами, произошла «национализация» исторического нарратива [15, с. 217-255]. Но, попытки выработки общей исторической линии как объединяющего фактора для всего украинского народа не увенчались успехом ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. [7, с. 182-199]. Причину здесь следует искать в языковой и ментальной разобщённости украинцев (по линии Запад / Восток), для которых наиболее болезненной разграничительной линией стало отношение к советскому периоду истории в целом, и Великой Отечественной войне в частности. Если до «Оранжевой революции» 2004 г. официальный Киев стремился лавировать между «националистически» настроенным Западом Украины и «пророссийским» Востоком страны в оценках событий XX века, то в период президентства В. Ющенко был взят крайне националистический курс по выстраиванию концепций о «преступности» советского тоталитарного режима (Голодомор, репрессии как «геноцид украинского народа») и героизация УПА (Украинской повстанческой армии), якобы боровшейся за независимость Украины. При этом преступления УПА и их связи с нацистами откровенно замалчиваются [там же 7, с. 182-199]. Переписывание истории, часто сводящееся к прямой фальсификации, стало обыденным явлением и основой государственной исторической политики по-

сле создания в 2006 г. Украинского института национальной памяти (по аналогии с Польшей, Литвой). Одним из первых «проектов» данной организации стал не выдерживающий никакой критики тезис о массовом голоде 1932–1933 гг. как о «Голодоморе» — «акте геноцида украинского народа, инспирированного властями Советского Союза» (данное определение зафиксировано в специальном законе Верховной Рады от 2006 г.) [21, с. 10]. О миллионах жертв голода в РСФСР, Казахской ССР официальным Киевом не говорится ни слова. Упомянутая тенденция по ревизии прошлого (характерная в 1990-х для Западной Украины) активизировалась с новой силой после Евромайдана 2014 г. и по нашему мнению стала особенно походить на прибалтийский вариант политики памяти. Другими словами, жителям всей Украины с 2014 г. стал активно навязываться западноукраинский радикально националистический взгляд на отечественную историю. Так, следует выделить следующие его черты, характерные для современного украинского исторического и общественного дискурса:

- Этноцентризм
- Тезис о правопреемственности: современная Украина является правопреемницей Украинской Народной Республики (УНР) 1918–1920 гг. с заимствованием символики УНР;
- Тезис о «советской оккупации» и декommунизация: возрождение украинской государственности в лице УНР было пресечено Красной Армией, как и попытка её реставрации со стороны УПА в 1944–1945 гг. [28]. Запрет коммунистической символики;
- Героизация нацизма: местные коллаборационисты воспринимаются как патриоты и борцы за свободу от советского тоталитаризма;
- Отказ от понятия «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война»: отказ от

факта освобождения Украины Красной Армией в пользу «смены немецкой оккупации — советской» (ярко выраженный тезис польской, прибалтийской историографии) [8, с. 163-177; 9, с. 202-215];

- Религиозный контекст: отказ юрисдикции над Украинской Православной Церковью Московскому Патриархату в пользу Константинопольского под лозунгом «независимому государству независимая церковь» [подробнее см.: 11, с. 227-235; 13, с. 93-98];
- Институционализация украинской государственной исторической политики посредством создания в 2006 г. Украинского института национальной памяти (По аналогии с Польшей, Литвой, Эстонией).

В Молдавии конструирование национальной памяти пошло несколько иным путём, нежели в соседней Украине и других постсоветских государствах. С распадом СССР и провозглашением независимости в 1991 г., молдавские академические круги восприняли румынский вариант исторической политики, согласно которому Молдавия — исконная территория Румынии, а молдавского народа как такового не существует — это составная часть румынского этноса (сторонники данных тезисов получили наименование «румынисты»¹). Однако, местный политический истеблишмент, вышедший из советской номенклатуры, наоборот стремился к легитимизации собственной власти и укреплению национальной молдавской государственности, отмежёвываясь от румынского нарратива в пользу обоснования самодостаточности молдавского этноса [18, с. 256-291] (сторонники — «молдовенисты»²). Кроме того, официальный Кишинёв, претворяя в жизнь ярко выраженный националистический курс во внутренней политике столкнулся в начале 1990-х с вооружённым конфликтом в Приднестровье и вынужден был лавировать во взаимоотношениях с Москвой. Всё это породило противоречивость

¹ «Румынистами» производится прямое заимствование тезисов румынской историографии по вопросам исторического развития (в русле националистического, антисоветского дискурса) и полное отождествление молдаван с румынским этносом (превалируют в академической среде и интеллигенции).

² «Молдовенисты» выступают за конструирование молдавской национальной истории, в которой основное внимание уделяется событиям XX в. В частности, в традиционном ключе трактуются события Великой Отечественной войны, положительная оценка даётся периоду существования Молдавской ССР, критика румынизации 1920-х — 1930-х гг. и др. Отстаивают позицию, согласно которой в силу исторических причин молдаване обладают собственной этнической и национальной идентичностью, отличающей их от румын.

молдавского исторического дискурса и отсутствие общественного консенсуса по основополагающим вопросам исторического развития. Вместе с тем, румынский нарратив оставался доминирующим в академической среде, в 1990-х – 2000-х было выпущено значительное количество научных и учебных трудов прорумынской ориентации, а в общеобразовательных школах преподавался особый предмет – «История румын» [6, с. 204-230]. Приход к власти в начале 2000-х молдавских коммунистов на короткое время изменил прорумынский дрейф местной политики памяти в сторону её более умеренного варианта (в лице «молдовенистов»). Однако, политический кризис 2009 г. и победа прозападной оппозиции вновь усилила позиции «румынистов», в стране возобладали восточноевропейские тренды политики памяти в виде декоммунизации, тезисов о «советской оккупации» и др. Так, уже в 2009 г. по аналогии с Румынией, Латвией и другими восточноевропейскими государствами официальный Кишинёв создал «Комиссию по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Республике Молдова», 28 июня с 2010 г. был объявлен «Днём советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима»¹. В 2012 г. принят закон о декоммунизации, запрещающий использование коммунистической символики. Таким образом, в современной Молдове, как и странах Балтии, период вхождения в состав СССР интерпретируется как период «советской оккупации». Однако, в отличие от Прибалтийских республик, Украины и большинства стран Восточной Европы в молдавском историческом дискурсе продолжается ожесточённая борьба между «румынистами» и «молдовенистами», исход которой напрямую зависит от политической конъюнктуры и электоральных циклов. Данный «дуализм» в оценочных суждениях как в исторических, так и политических кругах касается всего исторического дискурса, в особенности – событий XX столетия. Кардинальные различия касаются оценки обстоятельств инкорпорации в состав СССР – от тезисов о «советской оккупации» со стороны «руменистов» до освобождения и добровольного присоединения со стороны «молдовенистов».

Оценка Второй мировой также разнится до противоположности – от смены «немецкой оккупации советской» до освободительного характера Великой Отечественной войны для молдавского народа [22].

Грузинская политика памяти также имеет целый ряд схожих черт с рассмотренными выше постсоветскими государствами. Обретение независимости здесь, как и в случае с Молдавией, обернулось внутренним конфликтом, фактической гражданской войной и потерей контроля над территориями Абхазии и Южной Осетии. В целом, по нашему мнению, развитие грузинской исторической политики можно разделить два этапа: 1-й характеризуется становлением национального исторического дискурса как такового и охватывает период 1990-х – начало 2000-х; 2-й этап начинается после Революции роз 2003 г. и характерен переходом к восточноевропейским / прибалтийским трендам. Первый этап представляет собой появление запроса на написание «национальной» истории грузин и обоснование их притязаний на «потерянные» территории Абхазии, Южной Осетии. Однако, политики памяти как таковой в этот период ещё не оформляется – фактическая гражданская война 1991–1993 гг., череда политических и экономических кризисов обусловили слабое внимание грузинского общества в первое десятилетие независимости к историческому дискурсу, который остался в этот период прерогативой академической среды [17, с. 374-395]. Тем не менее, именно в 1990-е возникло значительное количество научных и учебных трудов, рассматривающих развитие Грузии в националистическом духе и даже с позиций этноцентризма [16].

С приходом к власти оппозиции во главе с Михаилом Саакашвили в грузинском историческом дискурсе обозначились существенные изменения. Так, произошла радикальная переоценка событий XX столетия, в особенности советского периода развития, который стал именоваться (по аналогии с историографией стран Балтии) «советской оккупацией», начавшейся с советизации Грузинской Демократической Республики (ГДР), существовавшей в 1918–1921 гг. При этом всячески стала подчёркиваться древность грузинской государственности и апеллирование к ней – в

¹ 28 июня 1940 г. по требованию Советского Союза Румыния вывела свои войска и администрацию из Бессарабии, а регион отошел к СССР.

частности, одним из первых актов новых властей Грузии стала замена флага ГДР, на новый стяг с изображением пяти красных крестов на белом фоне, который приписывался средневековым правителям Грузии — царю Давиду и царице Тамаре [3]. Окончательное размежевание с Россией произошло после Югоосетинского конфликта 2008 г., одним из последствий которого стало принятие в мае 2011 г. Хартии свободы с её тремя главными постулатами: укрепление национальной безопасности, запрещение советской и фашистской идеологий с полным уничтожением любых символов ассоциирующихся с ними [27]. Другими словами, грузинский истеблишмент по примеру стран Балтии, Украины, Молдовы и др. поставил знак равенства между фашизмом и коммунизмом. 25 февраля с 2011 г. стал отмечаться как «День советской оккупации»¹. Ещё раньше, с 2006 г. в Тбилиси функционирует Музей советской оккупации, который в Грузии играет координирующую роль в местной политике памяти, аналогичную польскому, украинскому, литовскому, эстонскому Институтам национальной памяти [17, с. 374–395].

Таким образом, анализируя политику памяти на постсоветском пространстве, можно констатировать, что целом ряде государств, выбравших прозападный курс и, одновременно, конфронтацию с Российской Федерацией (страны Балтии, Украина, Молдова, Грузия) просматривается целый ряд сходных тезисов государственной исторической политики, которые можно представить в виде следующих составляющих:

- Этноцентризм или национализация истории (имеет место в той или иной степени во всех постсоветских государствах) — вполне закономерный процесс, связанный с заменой советского исторического нарратива национальным;
- Тезис о преемственности современных Республик к досоветской государственности: связан со стремлением отмежеваться от советского прошлого и закрепить в общественном сознании самодостаточность и легитимность собственной государственности (в той или иной степени

прослеживается во всех рассматриваемых государствах);

- Тезис о «советской оккупации» и декommунизация: изначально наиболее последовательно оформился в странах Балтии, после «цветных революций» переключался в Украину, Молдову, Грузию;
- Переоценка событий «Великой Отечественной войны»: изначально являясь скрепляющим звеном и наименее идеологизированной составляющей коллективной памяти для всего советского народа испытала на себе основной удар националистических сил (в Прибалтике, Украине, Молдове, Грузии произошёл отказ от понятия «Великая Отечественная война» пользу понятия «Вторая мировая война»; отказ от освободительного характера действий Красной Армии в пользу «оккупации» и т.д.)
- Институционализация политики памяти: создание специализированных, политически ангажированных учреждений (часто номинально не государственных) для аккумуляции, формулирования и популяризации основных тезисов политики памяти.

Обозначенные составляющие политики памяти отсутствуют разве что в Республике Беларусь, но оппозиционно настроенные элиты, находясь под влиянием извне, безусловно тяготеют к перечисленным выше тезисам. При этом, наиболее агрессивный вариант государственной исторической линии в Прибалтике, Украине, Молдове и Грузии (антисоветский, часто русофобский её вариант) стал реализовываться вовсе не на заре независимости, а лишь со второй половины 2000-х — что совпадает с началом конфронтации коллективного запада и России, и говорит об определяющем влиянии внешнеполитического фактора на конструирование политики памяти обозначенных государств. При этом, по нашему мнению, Украиной, Молдавией, Грузией, белорусской оппозицией в середине 2000-х были заимствованы многие прибалтийские тезисы политики памяти, которые проявились в официальных Таллине, Риге, Вильнюсе гораздо раньше, чем у юж-

¹ 25 февраля 1921 г. Красная Армия вошла в Тбилиси, Грузинская Демократическая Республика была ликвидирована, а её территория в виде Грузинской ССР вошла в состав Советского Союза.

ных соседей и реализовывались более последовательно ещё с начала 1990-х. Можем предположить, что наряду с восточноевропейским трендом политики памяти существует и его

более узкий вариант, направленный на республики бывшего советского союза — прибалтийский, который и характеризуется обозначенными выше составляющими.

Список литературы

1. Балтийская ассамблея: Сборник докладов, Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.
2. Белый А. Что делать с БНР в современной Беларуси? // Евразия. Эксперт URL: <https://eurasia.expert/что-делат-s-bnr-v-sovremennoy-belarusi/> (дата обращения: 08.12.2021).
3. Бочоришвили К. Грузия поменяла государственный флаг // BBC Russian URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3399000/3399707.stm (дата обращения: 15.12.2021).
4. Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: Об Неа Lugu, 2012. 392 с.
5. Вербин В. 20 лет Конгрессу Эстонии, или Темная сторона Луны // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения 15.07.2021)
6. Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. 2018. № 3. С. 204–230.
7. Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки // История и современность. 2013. № 2. С. 182–199.
8. Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. N 1 (58). С. 163–177.
9. Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. N 1 (64). С. 202–215.
10. Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. N 1. Т. 25. С. 79–81.
11. Зверев К.А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. N 4 (28). С. 227–235.
12. Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. 2020. N 4. Т. 26. С. 70–77.
13. Зверев К.А. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / отв. ред. А.А. Корников. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 93–98.
14. Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. N 3. С. 03–13.
15. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 217–255.
16. Киградзе Т. Грузия: как пишут учебники истории (2013). URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia (дата обращения: 15.12.2021).
17. Кирчанов М.В. «Политика прошлого» в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 374–395.
18. Кушко А. «Политика памяти» и «историческая политика» в постсоветской Молдове // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 256–291.
19. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной Перспективой // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 4. С. 88–99.
20. Миллер А.И. Россия: Власть и общество // Pro et Contra. 2009. N 3–4 (46) май–

август. С. 6–23.

21. Найем М., Строкань С. Виктор Ющенко настоял на геноциде. Верховная рада приняла закон о голодоморе // Коммерсантъ №223 от 29.11.2006. С. 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/725676> (дата обращения: 18.12.2021).

22. Офицеров-Бельский Д. «Войны памяти»: Румыния навязывает Молдове альтернативную историю Второй мировой // Евразия Эксперт URL: <https://eurasia.expert/kak-rumuniya-navyazyvaet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroyu-mirovuyu/> (дата обращения: 14.12.2021).

23. Официальный сайт Гёттингенской рабочей группы URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (дата обращения 14.07.2020)

24. Петровская О.В. Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь // Прибалтийские исследования в России. 2015 / Сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. С. 443–465.

25. Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения 05.07.2021).

26. Сайт Эстонского Института Исторической Памяти URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения 05.07.2021).

27. Хартия свободы // Законодательный Вестник Грузии URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1381526?publication=16> (дата обращения: 15.12.2021).

28. Шаповал Ю. Украинская вторая мировая // Зеркало недели. Украина 15. 2005. 22 апреля – 6 мая.

29. Ээсма: 80 лет спустя нам все еще нужна декларация Уэллеса // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения 23.07.2020).

30. Bluzma Valdis, Jundzis Talavs, Sharp Gene, Strods Heinris Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. 672 p.

31. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954-1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica. Tallinn: Bhiselu, 1995. 319 p.

32. Graf M. Imperiumi lxxp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo. 2012. 456 p.

33. Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles (Заявление исполняющего обязанности государственного секретаря, distinguished почтенного Самнера Уэллеса) // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения 23.07.2021)

CONSTRUCTION OF MEMORY POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE: GENERAL APPROACHES

The article examines the issue of the formation and development of the politics of memory in the post-Soviet space in the 1990s - 2010s. Historical discourse is analyzed and compared in the Baltic countries, Belarus, Ukraine, Moldova and Georgia. According to the results of the study, it can be stated that in a number of post-Soviet states that have chosen a pro-Western course and, at the same time, confrontation with the Russian Federation (the Baltic countries, Ukraine, Moldova, Georgia), there is a number of similar theses of state historical policy that can be presented in the form of such components as ethnocentrism, an appeal to succession in relation to early state formations (bypassing the USSR), the introduction of the concept of «Soviet occupation» into circulation, a cardinal revision of the events of the «Great Patriotic War» up to this term in favor of the concept of «World War II» and the institutionalization of the memory policy in the form of the creation of specialized, politically engaged institutions (as Institutes of national memory) for the accumulation, formulation and popularization of the main theses of the memory policy. At the same time, in our opinion, Ukraine, Moldova, Georgia, the Belarusian opposition in the mid-2000s borrowed many Baltic theses of the memory policy, which appeared in the Baltic countries much earlier than from their southern neighbors and were implemented more consistently. since the early 1990s. We can assume that along with the Eastern European trend of memory politics, there is also a narrower version of it aimed at the republics of the former Soviet Union – the Baltic, which is characterized by the components indicated above.

Keywords: politics of memory, state historical politics, the Baltic states, Belarus, Ukraine, Moldova, Georgia

References

1. Baltijskaja assambleja: Sbornik dokladov [Baltic Assembly: Collection of reports], (1989). Tallinn, 13–14 maja 1989 g. *Narodnyj front Estonii*. Tallinn: Valgus, 15 s. (in Russian)

2. Belyj, A. *Chto delat' s BNR v sovremennoj Belarusi?* [What to do with BNR in modern Belarus?], *Evraziya. Ekspert*, available at: <https://eurasia.expert/chto-delat-s-bnr-v-sovremennoy->

belarusi/ (accessed: 08.12.2021). (in Russian)

3. Bochorishvili, K. *Gruziya pomenyala gosudarstvennyj flag*. [Georgia has changed the state flag]. *BBC Russian*, available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3399000/3399707.stm (accessed: 15.12.2021). (in Russian)

4. Vahter, T. (2012) *Estoniya: zharkoe leto 91-go Avgustovskij putch i vozrodenie nezavisimosti*. [Estonia: the hot summer of 1991 The August putsch and the revival of independence]. Tallinn: Ob Hea Lugu, Estonia, 392 p. (in Russian)

5. Verbin V. *20 let Kongressu Estonii, ili Temnaya storona Luny*. [20 years of the Estonian Congress, or the Dark Side of the Moon], rus.DELFI.ee available at: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (accessed: 15.07.2021) (in Russian)

6. Voronovich, A.A. (2018). Rol' evropejskoj politiki pamyati v gosudarstvennoj istoricheskoj politike Moldovy i Ukrainy v 2000-h godah. [The role of the European policy of memory in the state historical policy of Moldova and Ukraine in the 2000s.]. *Politicheskaya nauka*. № 3. pp. 204–230. (in Russian)

7. Grebennik, G.P. (2013). Politika pamyati v Ukraine: kriticheskie zametki. [Memory politics in Ukraine: critical notes], *Istoriya i sovremennost'*. № 2. pp. 182–199. (in Russian)

8. Zverev, K.A. (2020). Gosudarstvennaya istoricheskaya politika v sovremennoj Latvii. [State Historical Policy in Contemporary Latvia], *Problemy nacional'noj strategii*. N 1 (58). pp. 163–177. (in Russian)

9. Zverev, K.A. (2021). Istoricheskaya politika Estonskoj Respubliki v kontekste nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Historical policy of the Republic of Estonia in the context of nation-building], *Problemy nacional'noj strategii*. N 1 (64). pp. 202–215. (in Russian)

10. Zverev, K.A. (2019). Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoj bor'be Pribaltijskih respublik v 1990-e – 2000-e gg. [History as a propaganda tool in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s - 2000s.], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. N 1. T. 25. pp. 79–81. (in Russian)

11. Zverev, K.A. (2020). Pravoslavnaya cerkov' v nezavisimyh Pribaltijskih respublikah. [Orthodox Church in the independent Baltic republics], *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. N 4 (28). pp. 227–235. (in Russian)

12. Zverev, K.A. (2020). Russkoyazychnoe naselenie Latvii v novejsij period: vzaimosvyaz' statusa s mestnoj politikoj pamyati. [The Russian-speaking population of Latvia in the recent period: the relationship of status with the local politics of memory], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. N 4. T. 26. pp. 70–77. (in Russian)

13. Zverev, K.A. (2019). Sopernichestvo Moskovskogo i Konstantinopol'skogo patriarhata na territorii byvshej Rossijskoj imperii. [Rivalry between the Moscow and Constantinople Patriarchates on the territory of the former Russian Empire], *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ivanovo, 3–4 aprelya 2019 g.* [State, society, church in the history of Russia XX-XXI centuries: Materials of the XVIII International scientific conference. Ivanovo, 3-4 April 2019] / otv. red. A.A. Kornikov. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, pp. 93–98. (in Russian)

14. Zverev, K.A. (2020). Formirovanie oficial'noj istoricheskoj paradigmy nezavisimoj Litvy. [Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania]. *Vseobshchaya istoriya*. N 3. pp. 03–13. (in Russian)

15. Kas'yanov, G. (2012). «Nacionalizaciya» istorii v Ukraine ["Nationalization" of history in Ukraine], *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej* [Historical politics in the XXI century: Collection of articles] pod red. A. Millera, M. Lipmana. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, Russia, pp. 217–255. (in Russian).

16. Kigradze, T. *Gruziya: kak pishut uchebniki istorii* [Georgia: how history textbooks are written], BBC available at: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia (accessed: 15.12.2021). (in Russian)

17. Kirchanov, M.V. (2016). «Politika proshlogo» v sovremennoj Gruzii, ili kak SMI i publichnye politiki formiruyut kollektivnye predstavleniya o proshlom. ["Politics of the Past" in Modern Georgia, or How the Media and Public Politicians Form Collective Views of the Past], *Dialog so vremenem*. 2016. № 56. pp. 374–395. (in Russian)

18. Kushko, A. (2012). «Politika pamyati» i «istoricheskaya politika» v postsovetsoj Moldove. ["Politics of Memory" and "Historical Politics" in Post-Soviet Moldova], *Istoricheskaya politika v*

- XXI veke: Sbornik statej* [Historical politics in the XXI century: Collection of articles], pod red. A. Millera, M. Lipmana. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, Russia, pp. 256–291. (in Russian)
19. Lastovskij, A. (2009). Specifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdru sovetskim proshlym i nacional'noj Perspektivoj. [Specificity of Historical Memory in Belarus: Between the Soviet Past and the National Perspective], *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, № 4. pp. 88–99. (in Russian)
20. Miller, A.I. (2009). Rossiya: Vlast' i obshchestvo. [Russia: Power and Society], *Pro et Contra*, N 3–4 (46) May – August. pp. 6–23. (in Russian)
21. Najem, M., Strokan' S. (2006). Viktor Yushchenko nastoyal na genocide. Verhovnaya rada prinyala zakon o golodomore. [Viktor Yushchenko insisted on genocide. The Verkhovna Rada adopted a law on Holodomor], *Kommersant*" №223 ot 29.11.2006. p. 10. available at: <https://www.kommersant.ru/doc/725676> (accessed: 18.12.2021). (in Russian)
22. Oficerov-Bel'skij, D. «Vojny pamyati»: Rumyniya navyazyvaet Moldove al'ternativnyuyu istoriyu Vtoroj mirovoj. ["Memory Wars": Romania imposes an alternative history of World War II on Moldova], *Evraziya Ekspert*, available at: <https://eurasia.expert/kak-rumyniya-navyazyvaet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroy-mirovoj/> (accessed: 14.12.2021). (in Russian)
23. Official website of the Göttingen Working Group URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (Accessed 14.07.2020)
24. Petrovskaya, O.V. (2015). Litovskij faktor v formirovanii nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti naseleniya Respubliki Belarus'. [The Lithuanian factor in the formation of the national-state identity of the population of the Republic of Belarus], *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*. / Sost. M. A. Vilkov, V. V. Simindej. Moscow: Izdatel'skij centr fonda «Istoricheskaya pamyat'», Russia, pp. 443–465. (in Russian)
25. Website of the Lithuanian Genocide Research and Resistance Research Center URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (accessed 07/05/2021).
26. Website of the Estonian Institute of Historical Memory URL: <http://mnemosyne.ee/> (accessed 05.07.2021).
27. Freedom Charter // Legislative Bulletin of Georgia URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1381526?publication=16> (date of access: 12/15/2021).
28. Shapoval, Y. (2005). Ukrainskaya vtoraya mirovaya. ["Ukrainian World War II"], *Zerkalo nedeli. Ukraina* 15. 22 aprelya – 6 maya. (in Russian)
29. *Eesma: 80 let spustya nam vse eshche nuzhna deklaraciya Uellesa* [Eesma: 80 years later, we still need the Welles declaration], *rus.DELFI.ee* available at: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (accessed: 23.07.2020).
30. Bluzma V., Jundzis T., Sharp G., Strods H. (2009). *Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991*. Riga: Latvian Academy of Sciences, Latvia, 672 p.
31. Meissner B., Loeber D.A. (1995). *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954-1994* [The Baltic states in global political and international law change: Contributions 1954-1994] Hamburg: Bibliotheca Baltica. Tallinn: bhiselu, Estonia, 319 p.
32. Graf, M. (2012). *Imperiumi lxxp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991* [The end of the empire and the re-independence of Estonia in 1988–1991.], Tallinn: Argo. Estonia, 456 p.
33. Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (accessed: 23.07.2021)

Об авторе

Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Истории Костромского государственного университета (Россия). E-mail: zverew.kir@yandex.ru

Zverev Kirill Aleksandrovich – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University (Russia). E-mail: zverew.kir@yandex.ru